

Кочетков Владимир Викторович
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
vkochetkov58@mail.ru

Интернализация этнических конфликтов в современных международных отношениях (на примере конфликта в Сирии)

Аннотация. В статье описываются международные последствия Сирийского кризиса. Начавшись в 2011 г. как внутренний конфликт между правительством Б. Асада и оппозицией, с течением времени он перешагнул государственные границы и интернационализировался. Масштабы конфликта возросли настолько, что он стал оказывать дестабилизирующее влияние не только на граничащие с Сирией государства – Турцию, Ливию и Иорданию, но и на весь мир в целом. В конфликт оказались вовлечены мировые центры силы: Россия, США и Евросоюз. Сирийский кризис может повлиять на глобальную стабильность всей мировой системы в целом.

Ключевые слова: этнические конфликты; конфликт в Сирии; интернализация этнических конфликтов; Ближний Восток; гражданская война; сирийские курды

Kochetkov Vladimir Viktorovich
Moscow State University named by M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
vkochetkov58@mail.ru

Internationalization of ethnic conflicts in modern international relations (on the example of conflict in Syria)

Abstract. The article describes the international consequences of the Syrian crisis. Beginning in 2011 as an internal conflict between the government of B. Assad and the opposition, over time he stepped over state borders and internationalized. The scale of the conflict has grown so much that it began to exert a destabilizing effect not only on the states bordering Syria – Turkey, Libya and Jordan, but also on the whole world. The world centers of power were involved in the conflict: Russian Federation, the USA and the European Union. The Syrian crisis can affect the global stability of the entire world system as a whole.

Keywords: ethnic conflicts; conflict in Syria; internalization of ethnic conflicts; Near East; Civil War; Syrian Kurds

Ближний Восток занимает уникальное географическое и стратегическое положение. Он является родиной и духовным центром трех важнейших монотеистических религий: христианства, иудаизма и ислама. На Ближнем Востоке расположен самый большой в мире запас нефти [Заблоцкий 2015: 830]. Из-за своего геополитического значения любой межгосударственный и внутрисредоственный конфликт на Ближнем Востоке может не только дестабилизировать регион и нарушить региональный баланс сил, но и повлиять на глобальную стабильность. Вот и сирийский

кризис выявил и углубил накапливавшиеся довольно долго противоречия в регионе, а также привел к усугублению поляризации на Ближнем Востоке [Ходышская-Голенищева, 2015: 284].

В XXI в. на Ближнем Востоке имело место несколько межгосударственных конфликтов; наблюдалась здесь и практика силового решения конфликтных ситуаций посредством международных «гуманитарных интервенций». Кроме того, в последние годы международное вмешательство проявилось в более активной организации переговорно-трансформационного процесса, центральные места в котором заняли США, Саудовская Аравия и Катар (иногда при участии ООН) [Косач, 2015: 56].

Кризисные явления на Ближнем Востоке возникают по многим причинам. Это и серьезная раздробленность стран региона, которые разделены по конфессиональному, национальному, политическому и прочим признакам, и столкновение интересов мировых центров, склонных все чаще прибегать к военной силе [Багдасаров, 2016: 128].

Корни и причины Сирийского конфликта кроются в событиях 2011 года, когда во всем арабском мире начались гражданские протесты [Шишкина, Исаев, 2014: 57]. Не обошли стороной они и Сирию. Граждане страны стали выходить на улицу и требовать от властей отставки президента Башара Асада и демократических реформ. В некоторых арабских государствах протесты действительно привели к мирной смене власти (например, в Тунисе). Сирийский конфликт пошел другим путем. Он зародился как внутреннее противостояние недовольной части общества властью президента Башара Асада. Постепенно в гражданскую войну включились исламистские радикалы, курды, а также другие страны, в том числе Турция, Россия, США, Иран и многочисленные арабские государства [Варвариков, 2014: 10].

В начале осени 2013 года политические и гуманитарные последствия сирийского конфликта начали коренным образом изменять ландшафт Ближнего Востока: насилие в результате боевых действий в Сирии распространилось все шире и глубже в регионе, угрожая каждой из соседних стран, и это переросло в более масштабную межконфессиональную битву между суннитами и шиитами.

Таким образом, гражданская война в Сирии оказала дестабилизирующее влияние на ситуацию во всем регионе Ближнего Востока. Противоборство интересов внешних факторов крайне затрудняет сирийские мирные переговоры и затягивает решение конфликта [Gelvin, 2012: 180].

Причины и основные участники Сирийского конфликта

В марте 2011 года в Сирии разразились антиправительственные протесты. Эти протесты, как было указано выше, были вдохновлены аналогичными протестами по всему Ближнему Востоку в результате арабской весны. Б. Асад агрессивно отреагировал на мирные протесты и усугубил ситуацию. Он задействовал службы

безопасности и разведки, чтобы разогнать митинги и демонстрации, часто с помощью огня на поражение, и арестовать диссидентов.

Однако события приняли ужасный оборот. К концу 2011 года началась вооруженная война между правительственными силами и оппозиционными повстанцами. В войне правительство – по существу алавитская правящая элита и государственный аппарат – противостоят альянсу оппозиционных повстанцев – главным образом суннитов. Тем не менее, сложность войны усилилась из-за вмешательства глобальных и региональных держав, а также исламских джихадистов.

Оппозиция в основном состоит из антиправительственных повстанцев (включая курдов), целью которых является свержение правительства. Крупнейший антирежимный альянс «Армия завоеваний» группирует исламистские группировки, такие как Ахрар аш-Шам и Файлак аш-Шам, с такими джихадистами, как Фатех аш-Шам. Первоначально основной группой, сражавшейся против режима, была Свободная сирийская армия, но впоследствии она ослабла и распалась.

Запад поддерживает те оппозиционные силы, которые считаются «умеренными», в том числе «Аль-Нусра». США, Великобритания и Франция поддерживают оппозицию в свержении режима. Запад публично призвал Асада уйти в отставку и призвал к демократизации Сирии. С другой стороны, оппозицию также тайно поддерживают Турция, Саудовская Аравия и Катар [Клепиков, 2016: 46].

Другая группа, которая принадлежит оппозиции, но с другими целями – это сирийские курды. Курды – это этническая группа, которая была разделена на четыре страны в Турции, Сирии, Ираке и Иране. С тех пор они долгое время боролись в этих странах за независимый Курдистан, но в основном безуспешно. Однако, с нестабильностью и вакуумом, созданным потрясениями в Сирии, мечта о независимом Курдистане возродилась. Таким образом, первоочередная цель сирийских курдов состоит в том, чтобы оккупировать курдские районы во время гражданской войны и вести переговоры о создании автономного курдского региона в Сирии после её окончания. Их долгосрочной целью является формирование независимого государства Курдистан, которое охватывает курдов других соседних стран – Турции, Ирака и Ирана [Paasche, 2015: 78].

Курды в основном вышли из конфликта между правительством и оппозицией, но Б. Асад не проявил к ним терпимости. Он выступает категорически против создания любого независимого курдского региона. В августе 2016 года самолет армии Б. Асада впервые атаковал курдские силы в Хасеке, который в то время находился под совместным контролем правительства и курдов [Кауа, 2017: 83].

Сирийские курды через свое «Народное защитное подразделение» сформировали полуавтономный регион на северо-востоке и севере Сирии.

Рассмотрим влияние сирийского конфликта на другие страны и регионы мира: Турцию, Ливан, Иорданию и Евросоюз [Вертяев, 2015: 364].

Анализ влияния сирийского конфликта на Турцию.

Турция была и будет в значительной степени затронута продолжающейся гражданской войной в Сирии. Огромное количество сирийских беженцев само по себе вызовет множество финансовых и управленческих проблем. Однако перспективы распространения значительного вооруженного конфликта на Турцию остаются более ограниченными.

Турция – большое, очень дееспособное государство с эффективными институтами управления и службами безопасности. Дестабилизация самого турецкого государства из-за конфликта, который бушует на его южной границе, на наш взгляд, крайне маловероятна с учетом нынешних тенденций.

Несмотря на общую устойчивость Турции, сохраняется ряд потенциальных проблем. Огромные потоки беженцев из Сирии представляют собой потенциальную угрозу безопасности, если не будут должным образом урегулированы. Кроме того, сирийский конфликт может усугубить существующую этническую и религиозную напряженность на юге Турции.

Турция до сих пор принимала огромное количество беженцев, спасающихся от сирийского конфликта. До 2013 года большинство этих беженцев содержалось в хорошо организованных лагерях при поддержке турецкого Красного Полумесяца недалеко от турецко-сирийской границы. Эти лагеря расположены далеко от большинства населенных пунктов Турции, поэтому перспективы расширения нестабильности из лагерей ограничена. Однако, есть несколько признаков того, что способность Турции управлять этими потоками беженцев таким контролируемым образом была превышена.

Во-первых, с началом гражданской войны в Сирии произошло значительное увеличение количества беженцев, и Турция не разрешила им пересечь границу, потому что ей не хватает места для их эффективного размещения.

Во-вторых, хотя условия внутри лагерей, как правило, намного превосходят условия в аналогичных лагерях в других странах, они, тем не менее, предназначены для краткосрочного проживания. Если бы в Сирии продолжалась гражданская война еще на несколько лет, то беженцы могли бы быть недовольны своими экономическими и образовательными возможностями в лагере и добиваться либо переселения, либо интеграции в турецкое общество. В этом случае их влияние на местное население значительно увеличилось бы.

В-третьих, за последний год резко возросло число сирийских беженцев, проживающих в Турции за пределами указанных лагерей. Многие беженцы, живущие за пределами лагерей, сосредоточены в южных турецких провинциях Газиантеп и Хатай. Эти беженцы усиливают давление на местную экономику и правительство с

целью обеспечения рабочих мест, жилья и услуг и могут в результате вступить в конфликт с местным населением.

Если концентрация сирийских беженцев будет продолжать расти или конфликт в Сирии будет продолжаться в течение многих лет, Турции, возможно, потребуется переместить беженцев либо в недавно построенные лагеря, либо в другие места в Турции, чтобы избежать возможности локального конфликта во внезапно переполнившихся пограничных районах [Иванов, 2015: 14].

Анализ влияния сирийского конфликта на Ливан.

Гражданская война, начавшаяся в 2011 году в соседней Сирии, только усугубила существующие идеологические, политические, экономические и географические проблемы, которые преследовали Ливан на протяжении десятилетий. Особенно высокий риск распространения конфликта в Ливане связан с его правительством, расколом между внутренними силами безопасности и продолжающейся внешней иранской поддержкой Хезбаллы [Мартыненко, 2016: 10].

Кроме того, Ливан остается крупнейшим получателем беженцев из Сирии, но не имеет официальных лагерей для их приема. Приток беженцев начал нарушать межконфессиональный баланс в Ливане, что разожгло историческую ненависть между суннитами и шиитами, которая уже привела к насилию в виде столкновений вдоль сирийской границы и взрывов в Бейруте.

Политические партии Ливана также в значительной степени разделены по просирийской и антисирийской линиям, что привело к политическому тупику и отсрочке выборов.

Несмотря на то, что Асад вывел свои вооруженные силы из Ливана в 2005 году, Сирия продолжает оказывать сильное влияние на внутренние события в Ливане. Поскольку сирийская оппозиция продолжает сражаться со сторонниками Асада как в Сирии, так и в Ливане, склонность к распространению конфликта будет оставаться высокой.

Продолжающаяся поддержка Ираном режима Хезбалла и режима Асада усилила поток оружия между Ливаном и северными границами Сирии. Согласно сообщениям, «Хезбалла», опасаясь возможного краха режима в Сирии, перенесла многие из своих ракет большой дальности обратно в Ливан, чтобы предотвратить доступ к ним со стороны оппозиции. И наоборот, Соединенные Штаты увеличили помощь ливанским вооруженным силам в попытке подавить насилие и бороться с незаконной передачей оружия.

Внешняя поддержка Хезбаллы и её последующее прямое участие в сирийском конфликте привели его к прямому конфликту с Джабхат ан-Нусрой (Фронт ан-Нусра). Эта суннитская военизированная группировка, связанная с «Аль-Каидой», не только проводит серию нападений на сирийский режим в поддержку Свободной сирийской армии, но также преследует "Хезбаллу" из-за границ Ливана. Действия Фронт ан-Нусра

также возобновили активность внутренних ливанских суннитских джихадистских группировок, которые ранее не имели полномочий оспаривать действия Хезбаллы. Эта комбинация событий способствовала распространению конфликта на Ливан и регион.

Конфликт в Сирии и связанный с этим поток беженцев в Ливан оказали плохой эффект для обоих национальных государств. Ливан понес большую часть тяжести оттока беженцев из Сирии.

Резолюция ООН № 1680 стремилась решить проблему разграничения границ после вывода сирийских войск в 2005 году, но никаких действий не предпринималось. Многие из основных пограничных контрольно-пропускных пунктов Ливана в Ариме, Абудии, Каа и Маснеа расположены далеко от международно-демаркационной линии и не соответствует другим нормам международной границы [Резолюция...].

Сирийские беженцы пересекают в основном север Ливана, но, как сообщается, также пересекают восточную часть Ливана через Баальбек. Отсутствие обустроенных лагерей беженцев в сочетании с официальными заявлениями ливанцев о том, что лагеря не будут построены, еще более осложняет проблему распространения. Сирийские беженцы были вынуждены ассимилироваться, перебравшись в ранее существовавшие структуры в самых бедных районах Ливана. Несмотря на то, что в некоторых районах беженцев приветствовали, приток конкурирующих идеологий и нового этнического состава (в основном среди суннитских и шиитских групп) начал вызывать спорадические конфликты. Прямой побочный эффект можно наблюдать в Триполи, между преимущественно суннитским районом Баб-эль-Таббана и большинством алавитского квартала Джабаль Мохсен. Трения между этими двумя районами существовали до начала сирийской гражданской войны, когда сунниты начали стычки с алавитами Джабала Мохсена.

Анализ влияния сирийского конфликта на Иорданию.

Конфликт в Сирии между силами Асада и повстанческой оппозицией наносит ущерб Иордании. Потенциал насилия в результате гражданской войны в Сирии, распространяющейся внутри Иордании, высок, несмотря на возможности её служб безопасности.

Растущее население беженцев вдоль границы оказывает чрезмерное давление на и без того дефицитные системы водоснабжения и гражданскую инфраструктуру, инфраструктуру безопасности, которые не могут выдержать тяжесть. Со временем разочарование и ухудшение условий в лагерях беженцев усилят напряженность по всему региону.

Деньги, оружие и боевики, движущиеся через Иорданию в Сирию, повысят напряженность боевых действий в Сирии. Это означает, что больше гражданских лиц погибнет, и больше беженцев прибудет в Иорданию и другие соседние государства.

Продолжающаяся ассоциация Иордании в качестве отправной точки поддержки повстанцев в конфликте означает, что часть оружия, денег и боевиков вернется в

иорданское общество через те же механизмы черного рынка и маршруты контрабанды, которые использовались для оказания помощи мятежникам.

Изменение политики ЕС в результате миграционного кризиса

К концу 2015 года такие страны ЕС, как Германия, Италия, Греция, увидели огромный приток людей, ищущих убежища, что в конечном итоге спровоцировало европейский миграционный кризис. В декабре 2015 года более 900 000 человек прибыли в Германию в поисках убежища. Тысячи людей погибли, пытаясь совершить путешествие в европейские страны как по суше, так и по морю в условиях европейского миграционного кризиса [Официальный сайт...].

В 2016 году около 370 000 беженцев прибыли в рамках европейского миграционного кризиса, причем явное большинство совершило невероятно опасное путешествие по Средиземному морю. Этот маршрут привел к гибели не менее 4 690 человек только в 2016 году. Кроме того, более 173 000 человек прибыли в Грецию и примерно 167 000 человек прибыли в Италию [Официальный сайт...].

Глядя на ошеломляющее число людей, бегущих в Европу и ищущих убежища, мы видим, что Европа может не располагать ресурсами для поддержки постоянного потока мигрантов.

Большая часть беженцев прибывает из Сирии, Афганистана, Сомали: 4,9 миллиона из Сирии, три миллиона из Афганистана и более миллиона из Сомали. Эти разрушенные войной страны были вынуждены терпеть нищету, но условия Сирии были особенно плачевными.

ЕС для устранения кризиса принимает три основные меры: сокращение потока, защита границ и открытие безопасных путей.

1. Сокращение потока.

Заявление ЕС-Турция от марта 2016 года направлено на то, чтобы остановить неконтролируемый поток мигрантов через Эгейское море. Оно также предоставляет легальные способы для беженцев въехать в Европу. В результате число беженцев и мигрантов, прибывающих из Турции, значительно сократилось. Начиная с максимума в 10 000 за один день в октябре 2015 года, прибытие в Грецию в среднем составило менее 74 в день с марта 2016 года [Официальный сайт...].

ЕС и Турция договорились, что нелегальные мигранты, прибывающие на греческие острова из Турции, которые не обращаются за убежищем или чье заявление не было принято, могут быть возвращены в Турцию. На каждого сирийца, возвращенного в Турцию с греческих островов после нелегального пересечения, ЕС примет сирийца из Турции, который не стремился совершить это путешествие нелегальным образом. К 21 июля 2017 года 7 807 сирийских беженцев были переселены из Турции в ЕС в соответствии с этим положением.

ЕС оказал поддержку Греции и Италии в создании так называемых горячих точек, чтобы помочь властям этих стран лучше управлять поступающими

миграционными потоками. В этом контексте он также направил экспертов из государств-членов, чтобы помочь отследить, идентифицировать и зарегистрировать прибывающих людей и проинформировать их об их праве подать заявку на международную защиту.

ЕС увеличил скорость возвращения нелегальных мигрантов, не имеющих права оставаться в ЕС, на родину.

2. Защита границ.

Новая Европейская пограничная и береговая охрана была создана в октябре 2016 года, чтобы гарантировать, что Европа сможет защитить свои общие внешние границы и вместе противостоять новым вызовам миграции и безопасности. Для поддержки государств-членов на внешних границах было развернуто более 1 550 сотрудников, в дополнение к существующим 100 000 пограничникам в государствах-членах.

3. Открытие безопасных путей.

Схема срочного переселения была разработана в 2015 году, когда государства-члены ЕС обязались переселять людей из Греции и Италии в другие страны ЕС. К 21 июля 2017 года более 24 000 человек были переселены – 16 774 из Греции и 2 675 из Италии – в 24 государства-участника. Государства-члены должны быть в состоянии переместить всех подходящих к концу 2017 года [Официальный сайт...].

ЕС также хочет создать безопасные и законные пути для лиц, ищущих убежища, и беженцев для въезда в ЕС, чтобы им не пришлось рисковать своей жизнью, обращаясь к контрабандистам и торговцам людьми. Программа добровольного переселения, согласованная государствами-членами, предусматривает, что 22 500 человек будут переведены из-за пределов ЕС. К июлю 2017 года около 16 500 человек были переселены в 21 штат переселения.

Оценивая ситуацию на Ближнем Востоке в целом, можно констатировать, что регион остается одним из наиболее нестабильных в военно-политическом отношении на нашей планете [Иванов, 2018: 13]. Нерешенность палестинской и курдской проблем, вооруженные конфликты в Сирии и Йемене, повсеместная активизация радикальных исламистских группировок террористической направленности, распад государств, внутривосточные кризисы – все это порождает атмосферу хаоса и насилия на Ближнем Востоке.

Библиографический список

Багдасаров С. А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Издательство «Э», 2016. 288 с.

Ваким Дж., Кузнецов А. А. Геополитическое измерение сирийского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 461–472.

Варвариков Д. С. Причины поддержки Россией действующего правительства в Сирии // Молодой ученый. 2014. № 20.2. – С. 9–11.

Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 361–374.

Заблоцкий Ф. Ю. Роль нефтяного фактора в экономике государств Ближнего Востока // Молодой ученый. 2015. № 23. – С. 830–831.

Иванов С. М. Перспективы мирного урегулирования конфликтов в Сирии и Ираке // Зарубежное военное обозрение, 2018, № 1, – С. 12–15.

Иванов С. М. Сирийский конфликт и роль внешних сил в нем // Зарубежное военное обозрение, 2016, № 11, – С. 11–16.

Клепиков С. С. Гражданская война в Сирии (2011–2015 гг.) и позиции России и Ирана. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3. Часть 1. с. 45–48.

Косач Г. Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны». Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, (3), 2015, 50- 62.

Официальный сайт Евростата [Электронный ресурс] // Eurostat: [веб-сайт]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 01.04.2020).

Резолюция 1680 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на его 5440-м заседании 17 мая 2006 года [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН: [веб-сайт]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1680\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1680(2006)) . (дата обращения: 01.04.2020).

Саргон Х. Сирия и США: международные отношения в свете дестабилизации «Большого Ближнего Востока» // Вопросы политологии. 2012. № 4. С. 65–78.

Ходышская-Голенищева М. С. На правильной стороне истории. Сирийский кризис. М.: Восток, 2015. 391 с.

Шишкина А. Р., Исаев Л. М. Арабский мир в цифровую эпоху. Социальные медиа как форма политической активности. – М.: Ленанд, 2014. – 128 с.

Gelvin J. L. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. Oxford, England. Oxford University Press., 2012. 208 p.

Hughes G. A. Syria and the perils of proxy warfare // Small Wars & Insurgencies. 2014. Vol. 25. № 3. P. 522–538.

Kaya Z. Whiting M. Sowing Division: Kurds in the Syrian War // Middle East Policy. 2017. Vol. 24. No. 1. Pp. 79–91.

Paasche T. F. Syrian and Iraqi Kurds: conflict and cooperation // Middle East Policy. 2015. Vol. 22. № 1. P. 77–88.